

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 159–171, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 392.3+392.5+396.6

The Tuvan Family and its Functions. Traditions and Innovations

Sergey S. Subbotin ¹

¹ Postgraduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasilich_1990@mail.ru

Abstract. The article aims to discover and analyze the changes which have taken place in the domestic life of Tuvans over the past century, with special emphasis laid on the present times. The paper deals with actual changes that reflect the overall situation and transformations in the cognitive sphere (views, attitudes and values). The analysis of the problem is based on a number of studies by preceding researchers, corresponding sociological, demographic data and field materials of the author.

The family traditionally holds a high position in the social values framework of the Tuvan community and has always been a key value of the nation. However, the decline in demographic rates taking place in the Republic of Tuva indicates changes in family-marital relationships in particular and the family as such in general.

Nowadays, the modern type of family is more typical of urban population while country dwellers, some Tozhu Tuvans and the Dukha (Tsaatan) people in Mongolia prefer the traditional one. Moreover, the last three groups demonstrate their commitment to the traditional way of life and values which undergo intensive transformation in towns and urban-type settlements. The mentioned process causes, e. g., modification of family functions or even disappearance of some of them and emergence of new ones.

On the whole, it is hard to make any conclusions about whatsoever consequences (positive or negative) of the changes within the modern Tuvan society. This actually resembles a double-edged sword which could be well illustrated by the following example.

A powerful incentive to the above-mentioned transformation was given by the growth of women's social activities. It caused changes in relationships between husband and wife, redistribution of their duties in the family. Certainly, this fact may be considered as a very positive social achievement, especially for women themselves. But, on the other hand, new roles and positions entailed changes in their views and attitudes towards marriage, career, childbearing, etc. As a result, there are more family conflicts and less family solidarity.

Present-day Tuvan families face the same problems as those from other regions of Russia: contradiction between the needs and actual income of family members, the necessity to improve financial situation, the growing number of divorces and single parent families, etc.

Keywords: family, marriage, Tuvans, Dukha (Tsaatan) people, system of values, demography, women's social position

Семья принадлежит к числу важнейших общественных ценностей. Она является значимым ядром в подготовке человека к предстоящей жизни, в ней закладывается модель поведения, которая затем переносится на внесемейные отношения. Для ребёнка семья — это среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Для взрослого человека семья является источником удовлетворения ряда его потребностей и малым коллективом, предъявляющим к нему разнообразные требования.

Семья и семейно-родственные отношения всегда были одной из ключевых ценностей этноса *тыва*, однако ухудшение основных демографических показателей (рождение–смертность, браки–разводы и т. п. [Тывастат]) в Республике Тыва указывает на изменения в семейно-брачных отношениях в частности и института семьи в целом, и логично предположить, что изменения эти имеют скорее негативный, нежели позитивный характер. Но так ли все однозначно?

Целью настоящей статьи является выявление и анализ перемен, произошедших в семейной жизни тувинцев на протяжении последнего столетия, но основной акцент будет сделан на периоде, начиная с момента распада СССР и заканчивая сегодняшним днем. С привлечением социологических и демографических данных будут рассмотрены фактические изменения, отражающие общее положение дел, а также трансформации в когнитивной сфере (во взглядах, оценках, ценностях). Материалом для этого послужили полевые данные, собранные автором в этнографической экспедиции 2012 г. в Тоджинском кожууне Республики Тыва и экспедиции 2016 г., в ходе которой исследование велось среди цаатанов¹ сумона Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии, в Тоджинском кожууне и сумоне Ээрбек Кызыльского кожууна Республики Тыва. Также автор опирался на результаты исследований своих предшественников, прежде всего, на работу Г. С. Гончаровой [Гончарова 2004], описывающую изменения во взглядах жителей Республики Тыва на семейно-брачные отношения.

Семья — функциональная социальная система. Разные авторы, перечисляя ее

¹ Цаатаны — тувинцы-оленеводы, проживающие в Монголии. Самоназвание — *тухакижи* или *тухалары* [Серен 2016: 3].

функции, называют их по-разному, однако все их концепции имеют много общего между собой [Радько и др. 2015: 195–197; Шнейдер 2000: 129–137]. На разных этапах исторического развития одни функции утрачивают свое значение и уступают место другим, соответствующим новым реалиям. Тем не менее, ряд их оказался достаточно устойчивым к изменениям, и на этом основании их обычно причисляют к разряду традиционных [Шнейдер 2000: 129–137].

Во-первых, следует сказать о репродуктивной функции, что вполне закономерно, поскольку в любой семье проблема деторождения и продолжения рода является одной из важнейших. Сюда же можно включить и духовно-нравственное воспроизводство человека в семье, подразумевающее «духовно-нравственную потребность иметь ребенка, чтобы он был от любимого человека, духовное родство с детьми» [Радько и др. 2015: 195]. Однако современные социально-экономические реалии ведут к деформации данной функции, одним из проявлений которой является, например, откладывание брачными парами рождения детей на более поздний срок (о причинах этого и других подобных явлений в тувинском обществе мы будем говорить далее).

Второй по значимости является хозяйственно-экономическая функция, которая включает питание семьи, приобретение и содержание домашнего имущества, одежды, обуви, благоустройство жилища, создание домашнего уюта, организацию жизни и быта семьи, формирование и расходование домашнего бюджета. В понятие регенеративной (от лат. *regeneratio* ‘возрождение, возобновление’) функции входит наследование статуса, фамилии, имущества, социального положения; сюда же можно отнести и передачу каких-то фамильных драгоценностей (необязательно ювелирных украшений, это может быть любая вещь, которую можно передать только члену семьи).

Одна из важнейших функций семьи — образовательно-воспитательная. В семье формируются характер и поведение личности, отношение к жизни, а также модели поведения с другими людьми. От родителей дети наследуют ценности, которые становятся для них жизненными ориентирами как в настоящем, так и в будущем. На более высоком уровне ее суть состоит в социальной адаптации будущего поколения на этнических началах: семейных традициях

и культуре этноса. Однако в настоящее время по сравнению, например, с доиндустриальным периодом существования общества все сильнее проявляется тенденция к утрате семьей (опять-таки в силу новых социально-экономических условий: рост занятости родителей, требования общества и т. п.) своей образовательной роли, которая переходит к специально созданным для этого социальным инстанциям, таким, как школа и детский сад.

С предыдущей тесно связана функция семьи как сферы первоначального социального контроля, заключающаяся в моральной регламентации поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также регламентации ответственности и обязательств в отношении между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколений. Рекреативная (от лат. *recreatio* 'восстановление') функция связана с отдыхом, организацией досуга, заботой о здоровье и благополучии членов семьи. К ней очень близка функция духовного общения, способствующего развитию личностей членов семьи и их духовному взаимообогащению. Семейное воспитание эмоционально по своему характеру, ибо «проводником» его является родительская любовь к детям, вызывающая ответные чувства детей к родителям. В этом заключается эмоциональная функция семьи. Отметим также социально-статусную функцию, суть которой — в предоставлении определённого социального статуса ее членам, воспроизводстве социальной структуры.

Анализ содержания рассмотренных выше традиционных функций семьи позволяет заключить, что на любом этапе развития общества именно семья остается важнейшей средой формирования личности, отвечающей за социальное воспроизводство населения и воссоздание ценностных ориентиров в жизни и отношениях. Таковой она была и несмотря на многочисленные изменения современности, как показывает ряд исследований [Резников, Товуу 2002], остается сейчас для этноса *тыва*.

Тем не менее, эти изменения ведут к утрате современной тувинской семьей некогда важной производственной функции. Семья в традиционном обществе — это прежде всего производственная ячейка, отвечающая за первичную организацию экономической деятельности — собственного хозяйства. От того, насколько хорошо семья вы-

полняла эту функцию, в буквальном смысле зависело выживание ее членов. Теперь же профессиональная деятельность людей осуществляется преимущественно вне рамок семьи, а приток ресурсов (в первую очередь денег) зависит от работы ее взрослых членов в сторонних организациях. Однако это касается прежде всего семей, проживающих в городах и поселениях городского типа. В сельских населенных пунктах и особенно у некоторых групп тувинцев (например, у цаатанов) зависимость выживания семьи от грамотной организации традиционного хозяйства всё еще достаточно велика.

Утрачивая одни функции, современная семья приобретает другие. В последнее время все больше исследователей указывает на психотерапевтическую функцию [Шнейдер 2000: 135]. Она позволяет членам семьи удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. В принципе роль защитного психологического механизма в жизни человека семья (вместе с семейно-родственными отношениями между людьми) играла и раньше. Однако в наши дни в условиях продолжающейся ломки прежних жизненных ориентиров и изменения ценностей, постоянных стрессов, проистекающих из отсутствия защищенности и уверенности в завтрашнем дне, значение этой роли сильно возросло.

Человек вовлекается в многосторонние отношения с родственниками, базирующиеся на таких началах, как взаимопонимание, взаимодоверие и взаимопомощь, которые по сей день стоят в ряду ключевых ценностей представителей этноса *тыва* [Резников, Товуу 2002: 68]. Большая родственная привязанность, во многом сохраняющаяся до сих пор, — одна из отличительных черт тувинцев. Народная мудрость утверждает, что связь с родней делает человека сильным, уверенным в себе: «Зверь в беде к тайге мчится, человек в беде к родне тянется», «Большой палец к ладони жметесь» [Курбатский 2001: 217]. Поэтому о родственниках стараются не говорить плохо, но и требования к ним предъявляются высокие: «С плохой родней — аалу позор», «Лучше чужой человек, чем плохая родня» [Курбатский 2001: 217].

Осуществление семьей психотерапевтической функции можно проиллюстрировать следующим примером. Исследование Г. С. Гончаровой показало, что ценность

ухода от одиночества как мотива вступления в брак возрастает с увеличением возраста респондентов и достигает максимального значения у представителей старшего поколения (58,5 лет и старше) — более 50 % [Гончарова 2004: 202–206]. По-видимому, это связано с тем, что с возрастом (а улучшение медико-санитарных условий способствовало увеличению продолжительности жизни) неизбежно происходит сужение круга общения, а также с тем, что с возрастом попросту все труднее становится самостоятельно обеспечивать свое существование. Поэтому люди старшего поколения часто переселяются к своим родственникам.

В традиционной культуре семья понимается главным образом как «природосообразный союз двух противоположностей, способных стать одним целым и продолжать достойно род человеческий» [Сундуй 2009: 88]. Для тувинцев состоять в браке было крайне важно. Брак считался не только естественным, но и обязательным для каждого человека. Муж и жена воспринимались единым целым, поэтому они, например, во время прихода нового года (Шагаа) не дарили друг другу подарки, чтобы не допустить раздора в семье [Сундуй 2009: 88].

Человек, не имевший семьи, вызывал беспокойство и недоумение окружающих. Старых дев и холостяков в обществе не любили, зачастую даже считали плохими людьми и верили, что им особенно тяжело будет жить после смерти в потустороннем мире. В доме дальше порога их не пускали либо сажали на самое плохое место. Таких людей даже хоронили особым способом: их закапывали в землю в горной степи, на открытом месте. В могилу клали личные вещи покойника, а после заваливали камнями [Потапов 1960: 200; Потапов 1969: 127].

Подобные представления проявились даже в элементах обряда гостеприимства: когда гостю подавали угощение на блюде, будь то нарезанные куски мяса, боорзаки (изделия из теста), печенье или конфеты, он обязательно должен был взять два куска, чтобы не остаться в этой жизни без своей второй половинки. За этим очень тщательно следил и сам хозяин юрты, жилища, ни в коем случае не позволяя никому из гостей ограничиться «одиночным» угощением [Монгуш 2005: 288].

Но институт брака в традиционном обществе выполнял еще и экономическую роль, поэтому его заключение часто жестко контролировалось родственниками моло-

доженов, а чувства молодых людей редко принимались в расчет. Родители, как правило, сватали детей в любом возрасте, иногда даже до их рождения. Нередки были случаи, когда родители были вынуждены выдать дочь за бая с целью получения скота или другого имущества, чтобы прокормить остальных членов семьи [Волков, Салчак, Шаалы 2009: 62]. Материальными расчетами в большинстве своем руководствовались и представители богатых семей. Кроме того, велик был соблазн породниться с более уважаемым и почитаемым родом (проявление статусной функции семьи).

Теперь же происходит смена ценностных ориентиров. На первый план в современной семье выходят глубокие и сильные эмоциональные связи и чувства, прежде всего, любовь и взаимная симпатия. Мотивами вступления в брак, как показало исследование Г. С. Гончаровой, являются также желание иметь детей, забота и внимание со стороны супруга, поддержание здоровья¹.

Весьма распространенными оказались категории, связанные с достижением экономического благополучия (решение жилищного вопроса и бытовых проблем, материальное благополучие). Зато действие общественной традиции при вступлении в брак ослабевает: чем моложе респонденты, тем меньше среди них считающих эту традицию очень важной.

По-видимому, ослабевает и влияние родителей при вступлении в брак. На вопрос о необходимости советоваться с родителями при выборе мужа или жены в той же анкете Г. С. Гончаровой положительно ответила только треть опрошенных тувинцев, и лишь половина считает важным получить согласие родителей на брак. А вот процент тех, кто выступает за отдельное проживание молодой семьи, существенно превысил отметку 80 %.

¹ Данный пункт имеет научное подтверждение: «установлено, в частности (данные исследований, проведенных итальянскими социологами), что женатые мужчины умирают от болезни сердца на 34,6 % реже, чем холостые, и на 105,6 % реже, чем разведенные; от рака легких — на 14,3 % реже холостых и на 132,1 % — разведенных; от рака пищевода — реже холостых на 40,7 %, разведенных — на 77,8 %; от гипертонии — реже холостых в 2 раза, реже разведенных — в 2,5 раза; от цирроза печени — реже холостых в 3 раза и разведенных — в 7 раз» [Радько и др. 2015: 197].

Отметим еще одно интересное обстоятельство, подмеченное Г. С. Гончаровой, относительно брачных отношений. Оно касается ценностных ориентаций современных тувинцев. Как отмечает автор, традиционно рождение детей и замужество в системе семейно-брачных ценностей стояли рядом и были неразрывно связаны [Гончарова, 2004: 198]. Женщины, как правило, стремились выйти замуж и реализовать материнство. Теперь же ценность «быть замужем» оказалась наименее важной в этой системе и, более того, уступает по этому показателю ряду ценностей, которые автор определила как связанные с производственными отношениями (иметь работу, профессию, хороший заработок и хорошее образование). Следствием этого являются откладывание сроков вступления в брак, снижение брачности и рост числа незарегистрированных браков, увеличение внебрачной рождаемости. По последнему показателю Республика Тыва занимает одно из первых мест по стране (55 % по данным 1998 г. и более 60 % на 2012 г. [Гончарова 2004: 194–202; Чурилова, Чумарина 2014: 46–47]).

Тувинские семьи моногамны. Раньше, хотя и довольно редко, встречалось многоженство: в основном только у богатей, имевших двух-трех жен: каждая из них жила в отдельной юрте, которую привозила с собой в качестве приданого; первая жена считалась старшей [Потапов 1960: 200]¹. Иногда, по сообщению Ф. Я. Кона, в случае бесплодия первой жены, с полного ее согласия (а часто и при ее содействии) брали вторую [Кон 1934: 136]. Случаи двоеженства отмечал у тоджинцев С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1961: 130]. Л. П. Потапов пишет, как

¹ На факт существования у тувинцев полигамии указывают и фольклорные материалы. Например, в героическом сказании «Тана-Херель» у Шан-хана было даже 108 жен; правда, три жены Хан-Кучу из другого сказания более соответствуют действительности [Гребнев 1960: 141]. Характерно при этом, что много жен имеют, как правило, отрицательные персонажи. Вероятно, в этом нашел выражение протест основной массы народа против имущественного неравенства и собственного бесправного положения. Согласно работам исследователей, занимавшихся изучением тувинского фольклора, прежде всего произведений эпического характера, в нем [фольклоре] можно обнаружить не одно указание на проявление подобного рода недовольства.

некоторые из опрошенных им старожилов районов Монгун-тайги и Кара-холя вспоминали, что раньше тувинцы вообще могли жениться до 10 раз, возвращая родителям не понравившихся или надоевших жен [Потапов 1960: 200].

При заключении брака всегда действовали экзогамные нормы: согласно обычаю, нельзя было заключать браки даже между жителями одного аала [Потапов 1969: 127]. Невест брали из другого аала и своих девушек отдавали также в другой аал. Более того, действовал запрет на вступление в брак с представителями своего рода в пределах первых трех поколений². По этой же причине каждый тувинский подросток должен был знать родословные отца и матери, по меньшей мере, до третьего поколения, а также всех родственников. Кузенный брак между детьми родных сестер иногда еще могли допустить, между детьми же родных братьев — никогда [Потапов 1960: 200]. К сожалению, в наши дни родовая память о происхождении многих семей утрачивается, и, как показали в своей работе Е. В. Айыжы и А. А. Конгу на примере тувинцев-тоджинцев, даже пожилые люди зачастую уже с трудом могут воспроизвести родословную до третьего-четвертого колена [Айыжы, Конгу 2013: 10].

Проблема родовой экзогамии в настоящее время особо остро стоит перед цаатанами. Достаточно малочисленные, они проживают в ином этническом окружении и отделены пограничной зоной от тувинцев, проживающих на территории России. В сложившейся ситуации многие семьи вынуждены прибегать к родственным бракам, последствиями которых становятся физические и физиологические отклонения. Так, например, один из наших информантов происходил как раз из такой семьи и имел шесть пальцев на одной руке. Похожие отклонения также имелись у его сестры, брата и сына.

Другой выход из данного положения — браки с монголами. Значительная часть опрошенных нами тухаларов состояла в

² Ф. Я. Кон вообще указывал, что «брак в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого (!) колена» [Кон 1934: 133]. Г. Н. Курбатский пишет о запрете заключать брак между родственниками ближе пятого колена [Курбатский 2001: 194].

таком браке. Это, в частности, порождает проблему взаимоотношений супругов в этнически смешанных браках. К сожалению, изучение данного вопроса не входило в задачи нашего полевого исследования, но оно может оказаться весьма перспективным и иметь большую практическую значимость, например, для профилактики возможных семейных конфликтов и разногласий.

В самой Республике Тыва тема этнически смешанных браков особенно актуализировалась в связи с происходившими там в 1990-е гг. событиями и оттоком русского населения. Поднималась она и в уже упоминавшейся нами работе Г. С. Гончаровой. В частности, автор ставила задачу выявить степень важности национальности при выборе супруга. Исследование показало, что в целом менее половины опрошенных тувинцев отдают предпочтение этнически однородным бракам, где супруги принадлежат одной национальности, причем в наименьшей степени на них ориентированы представители младшего поколения (в возрасте от 16 до 31,5 лет [Гончарова 2004: 220–222]). Полученные результаты позволяют сделать вывод о в целом позитивном отношении тувинцев к вступлению в брак с представителями других национальностей и возможном росте числа таких браков в будущем.

Для традиционной тувинской семьи характерно разделение трудовой деятельности по половому признаку, за исключением скотоводства, которое велось и мужчинами, и женщинами. Такое положение дел сохранялось вплоть до первой половины XX в. Муж, отец семейства, всегда являлся главой семьи, хозяином юрты или дома.

О положении женщины-тувинки в семье до революции в историографии советского периода принято было писать как о крайне приниженном, едва ли не рабском, подчиненном по отношению к мужчине, чему было немало подтверждений. Это различного рода запреты, налагаемые на женщин в целом (пользоваться или даже просто перешагивать через мужские орудия труда, купаться в реке, присутствовать на родовых молениях и т. д.), и запреты и ограничения, касавшиеся поведения молодой невесты после переезда ее в юрту жениха. К числу таких доказательств относится также чрезмерная загруженность тувинков разнообразной работой: участие практически во всех видах деятельности, связанных с ведением кочевого хозяйства, ведение семейного

быта, тяжелые и трудоемкие занятия по выделке шкур для одежды и обуви, обработке шерсти для пряжи и войлока, изготовлению нити из сухожилий. В отношении женщины часто употребляли слово *херекчок* (*херээ-жок*), имеющее этимологию 'ненужная', 'никчемная', 'никудашная', а во время беседы с другими мужчинами муж часто употреблял выражение «моя плохая жена». Если прибавить существование института калыма, который многие приравнивают в прямом смысле слова к покупке невесты¹, зачастую насильственную выдачу замуж, отсутствие политических прав и отстранение от участия в общественной жизни, невозможность получить образование и ограниченность в правах наследства, мы получим достаточно полную картину неравноправного положения женщины в семейной жизни и в обществе в целом.

Однако ряд этнографических материалов содержит в себе сведения, противоречащие столь категоричным заявлениям и позволяющие несколько иначе взглянуть на данную проблему. Одним из первых на это обратил внимание С. И. Вайнштейн. В частности, он указывал на большую половую свободу незамужних девушек (возможность вступать в половую связь с возлюбленным до собственно свадьбы, а также во время специфической ночной игры *ойтулааш* [Вайнштейн 1994: 413]). Другой группой контраргументов можно считать исключительно бережное отношение к сестре или дочери, почет и уважение по отношению к женщине-матери, особенно пожилой, осуждение общественным мнением грубого обращения с женой. Тот же термин *херекчок*, вероятно, явился отражением, с одной стороны, пережитков родовой экзогамии и относился, прежде всего, к замужней женщине², а с другой — приобрел негативное толкование уже в условиях распространения феодальных отношений в тувинском обществе³.

¹ Ф. Я. Кон описывает случай, когда девушка, насильно выдаваемая замуж, отказалась от выполнения необходимого обряда, на что жених, уже заплативший калым, возразил: «Я тебя купил! Ты теперь моя баба и обязана исполнить обычай!» [Кон 1934: 131].

² Замужняя женщина в семье мужа — представитель чужого рода. И истинный, первоначальный смысл слова *херекчок* — «уходящая в чужой род» [Курбатский 2001: 219].

³ Как пишет Г. Н. Курбатский, оскорбитель-

Таким образом, будет не совсем правильно однозначно утверждать, что положение женщины в дореволюционном тувинском обществе было сильно принижено [Субботин 2016]. Конечно, с точки зрения человека XX в. и тем более XXI в., притеснения, бесспорно, существовали, но в глазах самих тувинцев тех времен они, по-видимому, не были чем-то из ряда вон выходящим, санкционировались обычаем и принимались практически всеми членами сообщества, в том числе и самими женщинами. Их положение во многом было обусловлено бытовой стороной жизнедеятельности тувинцев, стремлением выжить в непростых условиях среды, и на протяжении жизни отношение к женщине и степень ее свободы менялись в зависимости от выполняемых ею социальных ролей.

Серьезные изменения в положение тувинских женщин и, как следствие, в облик тувинских семей внесли Октябрьская революция 1917 г. в России и образование Тувинской Народной Республики (далее — ТНР), а также последующее ее вхождение в состав СССР. Начался так называемый процесс «раскрепощения» женщины-тувинки. На государственном уровне происходило закрепление равноправия женщин во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни, предоставление им избирательных прав. Женщины всё больше начинали включаться в экономические отношения, росла доля их участия в общественном производстве, а также расширилась сфера применения женского труда: они овладевали новыми профессиями (появились женщины-шофёры, автослесари и т. д.) [Забелина 2010: 54]), они получали образование (в том числе и высшее).

В этнографической литературе можно найти упоминания о том, что женщине в дореволюционные годы было запрещено заниматься охотничьим промыслом, ловить рыбу [Забелина 2010: 18]. Это несколько противоречит сведениям, полученным нами от наших информантов, и данным других

ная кличка *херекчок* в смысле ‘бездельница’, ‘никчемная’, ‘никудышная’ изначально бытовала только в феодально-чиновничьей среде, где женщина действительно ничего не делала, и в дальнейшем его употребление было перенесено на всех женщин [Курбатский 2001: 219]. Об изменении толкования этого термина в условиях феодального общества пишет и Г. А. Забелина [Забелина 2010: 19–20].

источников о существовании среди тувинцев значительного числа женщин-охотниц. Вероятно, это противоречие можно объяснить тем фактом, что охота не была для тувинков главным занятием, однако в некоторых районах (например, в Тодже) ей придавалось большое значение¹. Тем не менее с разрушением ряда основ традиционного общества и в ходе борьбы с «предвзвешенностями прошлого» подобные запреты ушли в небытие, что способствовало росту числа женщин, занимающихся охотничьим промыслом. В настоящее время женщин-охотниц можно встретить в основном только среди тех групп тувинцев, которые занимаются оленеводством.

Активное участие женщин в различных областях общественной жизни, рост уровня образования среди них стали причиной трансформации системы ценностей и типа взаимоотношений между мужем и женой в семье. Теперь, когда женщина может обеспечить себе экономическую самостоятельность, она получила возможность самой выбирать себе спутника жизни и вступать (или не вступать) в брак по собственному желанию и в любом возрасте. Согласно исследованию Г. С. Гончаровой, у современных тувинских женщин традиционные ценности, связанные с семейно-брачными отношениями (иметь семью, детей, быть замужем), конкурируют с ценностями, вовлекающими женщин в производственные отношения (иметь работу, профессию, хороший заработок и хорошее образование [Гончарова 2004: 193–202]). Причем важность последних оказалась даже немного выше, а значимость традиционных ценностей снижается с уменьшением возраста опрошенных. Кроме того, перечисленные производственные ценности, каждая по отдельности, оказались важнее, чем замужество. Одна из причин такого положения, видимо, кроется в возросшей активности женщины за пределами семьи.

Не остались без внимания тувинки и ценности, навеянные современностью (быть лидером в обществе, участие в биз-

¹ Во времена господства Цинской империи все тувинцы должны были платить налоги (ундурог, албан), в том числе в виде пушнины. А до этого с покоренных тувинцев дань собирали монголы, Алтын-ханы, ойроты. Таким образом, в далеком прошлом главным образом нужда заставляла тувинских женщин заниматься охотой.

несе; важность последнего отметила почти треть респонденток). Около трети опрошенных женщин отметили в качестве значимой ценность «воспитывать детей, не работая и будучи обеспеченной мужем»; почти десятая часть считает возможным жить свободно без детей и мужа. А вот что касается мужчин, то данное исследование продемонстрировало доминирование у них традиционных представлений о роли женщины как хранительницы семейного очага и продолжательницы рода и более низкими значениями для других групп ценностей. Логично предположить, что закономерным следствием такого различия взглядов мужчин и женщин на ценностные ориентации последних является углубление внутрисемейных проблем и рост числа конфликтов.

Интересные результаты по поводу отношения тувинских женщин к профессиональной деятельности были получены в другом исследовании, проведенном еще в 90-е гг. прошлого века [Доржу 1995: 14–15]. Наиболее значимым мотивом к трудовой деятельности оказался материально-психологический мотив: наличие собственного заработка позволяло им чувствовать себя независимыми. Далее шел мотив морально-этического свойства: работа давала женщинам ощущение себя нужными людьми, и жизнь без работы представлялась им с трудом. И, наконец, на третьем месте оказались «компенсаторные» мотивы: профессиональная занятость давала им возможность не чувствовать себя одинокими, забыть о домашних и личных проблемах. Другие ответы касались проявления творчества, инициативы, ощущения уважения со стороны знакомых, друзей, родственников.

Традиционно главой семьи, ответственным за принятие решений, у тувинцев считался мужчина, но новые социально-экономические реалии вызвали сдвиги и в этих представлениях. Обратимся снова к работе Г. С. Гончаровой. Общий вывод автора таков: положение женщины в семье при декларировании равноправия с мужчинами носит оттенок домостроя [Гончарова 2004: 208–210]. Иными словами, велика доля тех, кто считает, что мужчина — глава семьи, а женщина ему подчиняется, или что женщина не имеет прав, у нее только обязанности, а контроль над выполнением распределенных обязанностей в семье осуществляет мужчина.

Это подтверждается и нашими полевыми данными. Большинство мужчин (во всех обследуемых регионах) отметило равенство голосов мужа и жены при принятии решений, и лишь несколько указали на главенство мужа. А вот их жены (главным образом, это касается цаатанок) либо ответили, что главным в семье является муж, либо просто промолчали: нельзя ли это расценивать как косвенное доказательство того, что их мужья где-то все-таки слюкавили? Зато женщины, большую часть времени проживающие в более урбанизированных районах, были склонны указывать на равенство обоих полов. Небольшой процент женщин считает себя главой семьи.

Если вновь вернуться к исследованию Г. С. Гончаровой, которое проводилось в Республике Тыва, то можно заметить, что количество мужчин, видящих себя главой семьи, превышает число признающих это женщин [Гончарова 2004: 208–210]. Такого рода разногласия также могут нести в себе потенциал роста напряженности и числа конфликтов в семейных отношениях.

И еще один интересный итог проведенной Г. С. Гончаровой работы касается изменения представлений о роли мужчины и женщины в семье. Она показала, что мужчины в меньшей степени по сравнению с женщинами связывают главенство с материальным обеспечением семьи, что идет вразрез с традиционными представлениями о мужчине как добытчике средств к существованию [Гончарова 2004: 208–210]. Возможные причины этого — социально-экономические перемены, начавшиеся еще в 90-е гг. прошлого столетия, недостаток рабочих мест и увеличение вклада женщины в семейный бюджет. Отсюда состояние глубокой фрустрации у многих мужчин, особенно в сельской местности, и, как следствие, распространение среди них негативных социальных явлений, например пьянства.

Традиционно весь быт семьи был приспособлен к систематическому передвижению. Перекочевки со стадами происходили в течение всего года, способствуя выработке у членов семьи навыков практицизма, рационализма, подвижности в образе жизни, бережливости и неприхотливости [Товуу 2001: 51]. Жизнь постоянно требовала от людей знаний местных кормовых ресурсов, топографии, режима рек, мест обитания и повадок промысловых зверей, состояния

погоды в различные времена года. Суровый образ жизни вызывал необходимость воспитания в детях качеств, которые могли бы пригодиться в условиях кочевого быта, и особенно трудолюбия, выносливости, терпимости; особое внимание обращали на физическое развитие детей, их закалывание. В итоге каждая семья постепенно накапливала личный жизненный опыт, который передавался из поколения в поколение.

К сожалению, в связи с переходом к оседлому образу жизни, переориентацией на новые отрасли общественного производства, улучшением жилищно-санитарных условий, приоритетом государственной системы воспитания на разных этапах жизни ребенка многие из этих знаний оказались потерянными, а современные тувинцы уже мало обладают теми навыками и умениями выживания, которыми пользовались их предки в тяжелых природно-климатических условиях. Кроме того, забываются, реже проводятся обряды и обычаи, связанные с культурами природы [Айыжы, Базырчап 2013: 22]. В более полной мере всё это сохранилось у групп тувинцев, ведущих близкий к традиционному образ жизни (цаатанов, части тоджинцев). Но даже у них процент таких потерь достаточно велик: те же оленеводы-цаатаны стремятся дать своим детям, насколько позволяет их финансовое положение, максимально хорошее образование (которое, как показало наше исследование, у них ценится чрезвычайно высоко), и часть детей попросту не возвращается к традиционным занятиям родителей. В особенности это касается девочек, которые, как объясняли нам наши информанты, всё равно рано или поздно выйдут замуж и покинут родную семью. Сыновей же, как правило, стремятся оставить при себе, дабы те продолжали заниматься оленеводством.

Ребенок — это самое сокровенное и лучшее, что может пожелать себе каждая семья и род. Неудачные роды, потеря детей, прерывание беременности всегда воспринимались как большое несчастье. Традиционные тувинские семьи были многодетными. Т. Т. Мунзук отмечала большой воспитательный потенциал такого типа семьи: спаянная общностью хозяйственных интересов и забот друг о друге, она формирует у всех своих членов человеческие взаимоотношения, уважение к старшим, ощущение взаимопомощи, необходимости совместного труда родителей и детей

[Мунзук 1990: 9]. В ней дети с малых лет приучались проявлять заботу о младших и помогать старшим и были по-настоящему близки друг другу.

Новая тенденция современности — переход к семье с одним или двумя детьми, главным образом в городских образованиях. Хотя, как показывают наши наблюдения, число многодетных семей все еще достаточно велико, особенно в сельской местности. Другое «новшество» современности — рост числа неполных семей, как правило, с матерью-одиночкой. Еще одним последствием изменений, начавшихся здесь во второй четверти XX в., стала смена больших семей малыми, как и в предыдущих случаях, прежде всего в городах. Уже в 1993 г. такие семьи составили 65 % общего числа семей по республике [Резников, Товуу: 44]. Но даже при таком раскладе семьи с тремя и даже четырьмя поколениями встречаются здесь чаще, чем в других регионах России (главным образом, за счет достаточно высокой устойчивости традиций этноса *тыва* и сильных родственных связей [Резников, Товуу: 44]). В особенности это характерно для сельских районов.

Таким образом, анализ всего вышесказанного позволяет нам прийти к заключению, что семьи современного типа в большей степени сейчас характерны для городских жителей Тувы, в то время как сельчане, часть тоджинцев и цаатаны Монголии отдают явное предпочтение традиционной семье. Кроме того, три последние группы в большей степени демонстрируют приверженность к традиционному образу жизни и традиционным ценностям, в то время как в городах и поселениях городского типа происходит достаточно интенсивная их трансформация. Процесс ломки старых семейных устоев, видимо, уже необратим; налицо факт ослабления патриархальных устоев в сфере семейно-брачных отношений.

Мощнейшим стимулом к такой трансформации послужил рост социальной активности и ответственности женщин в общественной жизни, усвоение ею новых социальных ролей. Как следствие, меняется система взаимоотношений между мужем и женой, происходит перераспределение обязанностей в семье. В результате мужчины вынуждены усваивать новое, непривычное для большинства из них распределение ролей, и чем моложе поколение, тем более

будничным и обыденным оно им кажется. Перестраиваются также отношения между родителями и детьми. Поскольку можно говорить, что этот процесс начался сравнительно недавно, то различия в личных и семейных устремлениях, во взглядах на семейную жизнь и ценностных ориентирах мужчин и женщин все еще очень велики. Эти различия ведут к конфликтам в семье и снижают уровень ее сплоченности.

Однако будет неверно утверждать, что изменения в сфере семейно-брачных отношений носят только негативный характер. На наш взгляд, было бы правильнее рассматривать их сквозь призму дуальности характера последствий. Другими словами, каждое такое изменение имело как положительное, конструктивное, значение (например, женщины получили больше возможностей для самореализации), так и обладало деструктивной силой (например, снижение рождаемости из-за стремления женщин в первую очередь реализовать себя в профессиональной сфере).

В наши дни в сферах функционирования семьи этноса *тыва* выделяются те же проблемы, что и в большинстве других регионов России. Среди них: противоречие между потребностями и реальными доходами членов семьи; необходимость улучшения своего материального положения; возможность (точнее невозможность) дать детям хорошее образование (особенно остро, как показали наши наблюдения, она стоит у цаатанов); усложнение моральных проблем семьи, связанных с совмещением женщиной профессиональных интересов и ролей жены и матери, а также связанных с абортами, ограничением рождаемости; высокий уровень разводов, растущее число неполных семей, матерей-одиночек; распространение алкоголизма; и, наконец, проблема выбора системы ценностей, на которой должна базироваться семья, особенно в условиях социально-экономической нестабильности [Товуу 2001: 8–16; Гончарова 2004: 24–25].

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00442а «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Литература

Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Респу-

блики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. № 4 (80). Ч. 1. Чебоксары, 2013. С. 3–10.

Айыжы Е. В., Базырчан А.-Х. О. Обряды и обычаи, связанные с культами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI века (сравнительный аспект) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. № 3 (55). Т. 1. Кемерово, 2013. С. 18–23.

Вайнштейн С. И. Роль женщины в тувинских народных традициях (о свободе женщины у кочевников центра Азии) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы Межд. конф. 1993 г. М., 1994. С. 411–416.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1961. 218 с.

Волков Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл: Билиг, 2009. 212 с.

Гончарова Г. С. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / Г. С. Гончарова, Л. Я. Савельев. отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 288 с.

Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 147 с.

Доржу З. Ю. Актуальные проблемы занятости женщин Тувы в условиях перехода к рыночным отношениям // «Ученые записки» ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл, 1995. С. 14–23.

Забелина Г. А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. Кызыл: Тув. ин-т комплексного освоения природных ресурсов Сиб. отд-ия РАН, 2010. 120 с.

Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 293 с.

Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.

Монгуш М. В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 361 с.

Мунзук Т. Т. Прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики и их использование в семейном воспитании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1990. 16 с.

Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-тайги и Кара-Холя //

- Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.–Л., 1960. С. 171–237.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Радько Т. Н., Гребнев Л. С., Ковалкин В. С., Фокина Н. И. Обществознание: учебное пособие. Москва: Проспект, 2015. 520 с.
- Резников Е. Н., Товуу Н. О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М.: Per Se, 2002. 223 с.
- Серен П. С. Тувинцы — оленеводы Монголии (материалы по языку и культуре). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016. 160 с.
- Сундуй Г. Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития национальной школы, 2009. 168 с.
- Тывастат — Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва [электронный ресурс] // URL: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/998235804c8ab1d5a334b37dff7d05ed/основные+демографические+показатели.htm (дата обращения: 17.11.2016).
- Субботин С. В. Социальное положение женщины в традиционном обществе тувинцев: повседневность и исследовательские нарративы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. М., 2016. С. 109–120.
- Товуу Н. О. Психологический облик тувинского народа. Кызыл: ТывГУ, 2009. 230 с.
- Товуу Н. О. Психологические характеристики семьи этноса тыва. М.: Гос. ун-т упр., 2001. 210 с.
- Чурилова Е. В., Чумарина В. Ж. Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей // Вопросы статистики. № 7. М., 2014. С. 43–49 [электронный ресурс] // URL: (http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/analit03.php#_ftn1) (дата обращения: 16.11.2016).
- Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 498 с.
- universiteta im. I. Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], No. 4 (80), part 1, Cheboksary, 2013, pp. 3–10 (In Russ.).
- Ayyzhy E. V., Bazyrchap A.-Kh. O. *Obyady i obychai, svyazannye s kul'tami prirody u tuvintsev Respubliki Tyva RF, Kitaya, Mongolii v nachale XXI veka (sravnitel'nyy aspekt)* [Ceremonies and customs associated with nature cults of the Tuvans living in Tuva Republic (Russia), China and Mongolia in the early 21st century]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], No. 3 (55), vol. 1, Kemerovo, 2013, pp. 18–23 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Rol' zhenshchiny v tuvinskikh narodnykh traditsiyakh (o svobode zhenshchiny u kochevnikov tsentra Azii)* [The role of the woman in Tuvan folk traditions (on women's freedom among nomads of Asia's center)]. *Zhenshchina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen. Mat-ly Mezhd. konf.* [The Woman and Freedom: Paths of Choice in the World of Traditions and Changes. Proc. of the Internat.conf. 1993]. Moscow, 1994, pp. 411–416 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. I. *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Tozhu Tuvans. Historical and ethnographic sketches]. Moscow, Nauka Publ., 1961, 218 p. (In Russ.).
- Volkov G. N., Salchak K. B., Shaaly A. S. *Etnopedagogika tuvinskogo naroda* [Tuvan ethnopedagogics]. Kyzyl, Bilig Publ., 2009, 212 p. (In Russ.).
- Goncharova G. S., Savel'ev L. Ya. *Semeyno-brachnye otnosheniya u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy* [Family and marital relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2004, 288 p. (In Russ.).
- Grebnev L. V. *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [The Tuvan heroic epic: an effort of historical and ethnographic analysis]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1960, 147 p. (In Russ.).
- Dorzhu Z. Yu. *Aktual'nye problemy zanyatosti zhenshchin Tuvy v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [The actual employment problems of women in Tuva during the economic transition period]. «Uchenye zapiski» Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Scholarly Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature and History], iss. XVIII, Kyzyl, 1995, pp. 14–23 (In Russ.).
- Zabelina G. A. *Zhenshchiny Tuvy v sem'e i obshchestve v pervoy polovine XX veka* [Tuvan

References

- Ayyzhy E. V., Kongu A. A. *Rodoplenennyye gruppy tuvintsev Todzhinskogo rayona Respubliki Tyva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovaniy)* [Today's Tuvan tribal groups of the Todzha region of the Republic of Tuva (based on field studies)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo*

- women in the family and society from the early to mid 20th cent.]. Kyzyl, Publ. Dept. of Tuvan Institute for Comprehensive Development of Natural Resources (affiliated with the Siberian Branch of the RAS), 2010, 120 p. (In Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu. Za pyat' desyat let. T. 3* [An expedition to Soyotia. (Observations made) in 50 years. Vol. 3]. Moscow, Publ. House of Association of Political Ex-Convicts and Exiled Individuals, 1934, 293 p. (In Russ.).
- Kurbatskiy G. N. *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their national folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 2001, 464 p. (In Russ.).
- Mongush M. V. *Tuvintsy Rossii, Mongolii, i Kitaya: etnicheskie i etnokul'turnye protsessy, sovremennaya identichnost': diss. ... dokt. istor. nauk* [Tuvans of Russia, Mongolia and China: ethnic and ethnocultural processes, present-day identity. A Ph. D. thesis]. Moscow, 2005, 361 p. (In Russ.).
- Munzuk T. T. *Progressivnye idei i opyt tuvinskoy narodnoy pedagogiki i ikh ispol'zovanie v semeynom vospitanii: avtoreferat diss. ... kand. pedagogicheskikh nauk* [Progressive ideas, experience of Tuvan folk pedagogics and their application in modern education. A Ph. D. thesis abstract]. Kazan, 1990, 16 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Materialy po etnografii tuvintsev rayonov Mongun-taygi i Kara-Kholya* [Materials on the ethnography of Tuvans residing in Mongun-Tayga and Kara-Khol Districts]. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. T. 1. Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoy Tuvy* [Transactions of the Tuvan expedition for comprehensive archaeological and ethnographic studies. Vol. 1. Materials on the archaeology and ethnography of Western Tuva]. Moscow, Leningrad, 1960, pp. 171–237 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches on the traditional way of life of the Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Rad'ko T. N., Grebnev L. S., Kovalkin V. S., Fokina N. I. *Obshchestvoznaniye: uchebnoye posobie* [Social science. A textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2015, 520 p. (In Russ.).
- Reznikov E. N., Tovuu N. O. *Etnopsikhologicheskie kharakteristiki naroda tyva: teoriya i praktika* [Ethnopsychological characteristics of the Tuvan people: theory and practice]. Moscow, Per Se Publ., 2002, 223 p. (In Russ.).
- Seren P. S. *Tuvintsy — olenevody Mongolii (materialy po yazyku i kul'ture)* [Tuvan reindeer breeders of Mongolia (language and culture)]. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ., 2016, 160 p. (In Russ.).
- Sunduy G. D. *Mir detstva kochevoy Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniya* [Childhood in Asia: experience of spiritual and moral upbringing]. Kyzyl, National School Development Institute, 2009, 168 p. (In Russ.).
- Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Tyva [elektronnyy resurs]* [Regional Office of Russian Federal Statistics Service in the Tyva Republic]. Available at: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/998235804c8ab1d5a334b37dff7d05ed/OSNOVNYE+DEMOGRAFICHEESKIE+POKAZATELI.htm (accessed: 17 November 2016) (In Russ.).
- Subbotin S. V. *Sotsial'noe polozhenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve tuvintsev: povsednevnost' i issledovatel'skie narrativy* [The social position of women in the traditional society of Tuva: everyday life and research narratives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta (Moscow University Bulletin)*, Ser. 8—History, No. 2, Moscow, 2016, pp. 109–120 (In Russ.).
- Tovuu N. O. *Psikhologicheskii oblik tuvinskogo naroda* [The psychological appearance of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuvan State Univ. Press, 2009, 230 p. (In Russ.).
- Tovuu N. O. *Psikhologicheskie kharakteristiki sem'i etnosa tyva* [Psychological characteristics of seven Tuvan sub-ethnic groups]. Moscow, State Univ. of Management Press, 2001, 210 p. (In Russ.).
- Churilova E. V., Chumarina V. Zh. *Vnebrachnye rozhdeniya i dobrachnye zachatiya v Rossii: osoznannoe reshenie roditeley* [Illegitimate births and antenuptial conceptions in Russia: conscious parenting]. *Voprosy statistiki [Questions of Statistics journal]*, No. 7, Moscow, 2014, pp. 43–49. Available at: (http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/analit03.php#_ftn1) (accessed: 16 November 2016) (In Russ.).
- Shneyder L. B. *Psikhologiya semeynykh otnosheniy. Kurs lektsiy* [Psychology of family relations. A course of lectures]. Moscow, EKSMO-Press, 2000, 498 p. (In Russ.).

УДК 392.3+392.5+396.6

Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновацииСергей Васильевич Субботин ¹

¹ аспирант, кафедра этнологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация). E-mail: vasilich_1990@mail.ru

Аннотация. Семья у тувинцев занимает высокое положение в социальной организации общества и всегда была одной из ключевых ценностей народа. Ухудшение демографических показателей по Республике Тыва указывает на изменения в семейно-брачных отношениях в частности и института семьи в целом. Целью настоящей статьи является выявление и анализ перемен, произошедших в семейной жизни тувинцев на протяжении последнего столетия с акцентом на современность. В настоящем исследовании автор опирается на собственные полевые материалы, обращается к трудам своих предшественников, привлекает социологические и демографические данные. В работе разбираются изменения, имеющие место в материально-бытовой сфере, а также трансформации на когнитивном уровне (во взглядах, оценках, ценностях). Также в статье рассматриваются современные и традиционные аспекты функционирования тувинской семьи, степень сохранности последних в наши дни у разных групп тувинцев. Еще одна группа проблем касается перемен, произошедших в положении женщин в указанный период, приведших к значительным изменениям в их социальном статусе и спровоцировавших серьезные сдвиги в системе семейно-брачных отношений и ценностных ориентирах как самих женщин, так и всего народа.

Ключевые слова: семья, брак, тувинцы, цаатаны, система ценностей, демография, положение женщины